

Селиванов Василий Васильевич

Год русского земледельца

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Васильевич С.**
Год русского земледельца / Селиванов Василий Васильевич – М.: Книга по Требованию,
2023. – 147 с.

ISBN 978-5-519-85195-4

ISBN 978-5-519-85195-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГОДЪ РУССКАГО ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА.

ЗАРАЙСКІЙ УѢЗДЪ, РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

I.

ВЕСНА.

Годъ гражданскій прежде начинался съ Марта, потомъ съ Сентября, наконецъ положили начинать его съ 1-го Января: но для селѣнина всего ближе начинать рабочій свой годъ по старому, съ Марта мѣсяца, съ праздника Благовѣщенія; для поселянъ съ этого праздника начинается дѣятельное приготовленіе къ весеннимъ занятіямъ. Находившіеся въ отлучкахъ для заработковъ въ Питерѣ, Москвѣ и другихъ мѣстахъ государства, и въ продолженіи зимы добывавшіе конфѣтку въ домъ извозомъ, поденною работою или на фабрикахъ и на заводахъ, члены семействъ возвращаются къ этому празднику подъ родимый кровъ, принося заработанные деньги отцу или главѣ семейства, подарки женамъ и гостинцы дѣтямъ. Новый синій кафтанъ, новые сапоги и шапка—лучшія доказательства его зимней дѣятельности, трудовъ и бережливости. Семейство радуется и гордится имъ; вся деревня глядитъ на него съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Въ Благовѣщеніе къ обѣднѣ въ первый разъ надѣвается этотъ блистательный нарядъ, и ужъ послѣ этого весь приходъ знаетъ, что «вотъ, молъ, воротился изъ Питера такой-то, и самъ отѣлся, и домой принесъ: мужикъ настоящий!...»

Въ праздникъ Благовѣщенія, за проскомидією вынимаются просфоры. Эти просфоры берегутъ ко дню начала пахоты; что же дѣлается съ этими просфорами, увидимъ ниже. Если въ праздникъ Благовѣщенія небо безоблачно, солнышко свѣтитъ ярко: быть грозному лѣту; а если гроза, то быть благорастворенію воздуха, перемочкамъ, пару и непремѣннымъ слѣдствіямъ всего этого—

урожаю. Ежели жъ, на оборотъ, въ этотъ свещенный день бываетъ пасмурно, то и праздникъ не въ праздникъ: не такъ звучитъ и призывный къ обѣдѣ колоколъ, не сулитъ день хорошаго урожая, не радуется сердце.

Къ празднику Благовѣщенія почти окончены зимнія занятія бабъ. Гребень, прилка (*) и донце отброшены въ уголъ: все, что нужно, и ленъ, и посевонъ, и шерсть, все спрядено. Давно уже задній уголъ избѣ занятъ станомъ грубой работы; на немъ красуется основа или холста, или пеструшки, на узоры которой, покачивая головой, съ затасаннымъ дыханіемъ любитъ сосѣдка, и цѣлый день въ избѣ раздается отъ подножекъ, приводимыхъ въ движеніе босыми ногами, и узенькаго берда однообразное въ два тона: кракъ, тукъ! тукъ, кракъ! тукъ, тукъ!

Солнышко свѣтитъ ярко; по улицѣ бѣгутъ ручьи грязной воды; заваленки около избъ обнажились и просохли по лѣтнему, ребятишки съ утра до ночи въ одѣхъ рубашенкахъ играютъ на пригрѣвѣ солнышка, и только морозецъ къ вечеру и голосъ матери, зовущій ужинать, засвѣтло загоняетъ ихъ въ избу. Засвѣтло, потому что съ Благовѣщенія уже не зажигаютъ лучины и салника, ужинаютъ безъ огня до самаго до Успенья, ночи не сидятъ за работой и послѣ ужина до разсвѣта все спитъ въ мирной избѣ.

Санный путь оканчивается съ Благовѣщеніемъ. *«Недѣлю перетнешь или недѣлю не дойдешь»*, гласитъ старинная Русская поговорка. По большей части, въ средней полосѣ Россіи почти всегда переѣзжаютъ недѣлю и потому благоразумный домохозяинъ, пользуясь послѣднимъ путемъ, везетъ на ближнюю мельницу оставшуюся рожь за тѣмъ, что скоро проѣзда не будетъ и, пожалуй, къ Свѣтлому празднику останешься безъ муки. Ѣдутъ на ближній базаръ закупить лишенца или крутъ, да привезенной къ тому времени изъ степныхъ мѣстъ солонины для разговѣнья, да солоду на брагу; не увидишь, какъ время пройдетъ.

Но вотъ, рѣки, рѣчки и ручьи въ разливі; луга затоплены: проѣзду нѣтъ ни въ саяхъ, ни въ телѣгахъ. Лошадямъ, изнуреннымъ зимнею работою, холодомъ и скуднымъ кормомъ, наступаетъ время отдыха. До пахоты не далеко, думаетъ мужикъ, а кляча и

(*) Деревянная вила, на которой придутъ шерсть.

бороны не сволочить. Надобно прикормить лошадь, а сѣнца иѣтъ; да и яровой соломы на малѣ; а тутъ и кобыла ожеребилась.... и въ слѣдствіе этого начинается болѣе утонченное и искусственное хозяйство: ржаная солома рубится топоромъ, посыпается мукой, и въ колодѣ мѣсится на теплой водѣ: это называется кормить мѣсивомъ. Жеребенку на шею навѣшивается связанный изъ палочекъ крестикъ на обрывочкѣ, чтобы лихой не повредилъ. Въ это же время осматриваются нужныя для полевыхъ работъ орудія. Перебитый сошникъ замѣняется новымъ или несется для починки въ близкую кузницу; чинится соха, выжется новая борода. Торопись мужикъ, до Велика дня не далеко, а съ Троицкой пахота.

Случается, что Святая недѣля бываетъ поздно, или весна бываетъ рано. Отъ теплыхъ лучей солнца и весенняго вѣтра рано просыхаетъ земля, и на Святой недѣлѣ, какъ разъ, готова къ пахотѣ; къ тому-жъ овесъ любитъ сѣвъ ранній, а тутъ праздники. Какъ быть? Нѣмецъ и великоученый агрономъ, пожалуй, сочтутъ нецѣлесообразнымъ упускать настоящіе дни сѣва изъ суетнаго уваженія къ празднику: что лучше, молъ, работать, нежели гулять и тратить невозвратное время. Но православный мужичекъ судить иначе. И прадѣды, и дѣды заставляли ему не пахать на Святой. Господь захочетъ, такъ хлѣбъ уродится и при поздней пахотѣ; изстари замѣчено, что кто, не уповавъ на милость Божию, боится упустить время, сѣялъ въ великіе дни Святой Пасхи, тотъ никогда не имѣлъ удачъ: или продолжительная засуха въ началѣ сѣва не выгонитъ изъ земли всходовъ, или взошли быстро, поднялись въ полъ роста, да и закоржанили отъ засухи въ то время, когда бы пучки наливались зерну: то неожиданный туманъ хватитъ, то откуда ни возьмутся стаи грачей — побьютъ прежде другихъ налившійся овесъ. Пусть, что Господь дастъ, а на Святой не паши и не сѣй. Господь пошлетъ дождей во время, и поздній сѣвъ бываетъ лучше ранняго.

Къ тому-жъ на пятой недѣлѣ послѣ Святой всегда дожди *жижутъ* (*). Въ Великій четвергъ на Страстной, еще до снѣгу, въ темнотѣ нине ходятъ купаться въ прорубь, чтобы быть здоровыми на цѣлый годъ. Въ Великій четвергъ сѣютъ канустную разсаду, чтобы мошка не постребила. Если Страстная недѣля бы-

(*) Народная примѣта.

вають рано. еще на снѣгу, то разрываютъ снѣгъ, заранее приготовляютъ гряды, и расаду все таки сѣютъ. Въ Великій четвергъ жгутъ соль и этой солью солятъ ветчину, чтобы червь не заводился. Соль употребляютъ также въ Свѣтлое Христово Воскресенье при разговѣнии: чтобы ежечь соль, ее сперва смѣшиваютъ съ квасной гущей, и потомъ, завернувъ и завязавъ въ ветошку, бросаютъ въ печь въ самый жаръ. Отъ дѣйствія огня соль съ гущей склеится въ одну сплошную массу, которую и толкутъ въ ступкѣ.

Съ четверга Страстной недѣли начинаются приготовленія къ празднику. Мужикъ ѣдетъ за виномъ въ кабакъ, да за мяснымъ на базаръ: бабы варятъ брагу, все забывается, одно помысленіе о встрѣчѣ Свѣтлаго дня Воскресенія. Народъ изъ деревень съ вечера отправляется въ приходское село, кто пѣшій, кто въ телегѣ или въ саняхъ. Все начало ночи до заутрени народъ толпится въ ближайшихъ къ церкви избахъ: въ избахъ дѣлчковыхъ, въ богадѣльнѣ, а имѣющіе пѣсь въ приходскомъ обществѣ, въ домѣ священника. Въ домахъ никто не спитъ и не станетъ спать въ ночь подъ Свѣтлое Христово Воскресенье: грѣхъ. Кто и не идетъ къ заутрени, старики, старушки, деньщицы, т. е. та баба изъ семьи, которой въ этотъ день про родителей топить печь, варить обѣдъ, подмести избу и проч., оставаясь дома, всю ночь молятся предъ иконами съ зажженной предъ ними лампадкой или свѣчкой изъ желтаго воска.

Во время заутрени и обѣдни, на правомъ клиросѣ къ дьячку присоединяются любители пѣвчіе изъ крестьянъ. Въ иныхъ селахъ заранее сѣваются и поютъ изрядно; въ другихъ, и по большей части, безъ всякаго искусства, но всегда очень громко, отъ души, всегда проникнутые сочувствіемъ къ великому празднику. Когда въ концѣ заутрени священникъ выходитъ съ причтомъ, съ крестомъ и образами христосоваться съ народомъ, крестьяне, христосуясь съ нимъ, даютъ имъ по красненькому яичку. Дьячки возлѣ себя ставятъ иногда, также съ образами, и пришедшихъ на побывку къ празднику своихъ сыновей. Это дѣлается для умноженія дохода, потому что сборъ красныхъ яичъ бываетъ довольно значителенъ. За священникомъ, дьякономъ и дьячками стоятъ кошолки в кузова, въ которые опускаются получаемыя яича.

Когда заутрени отойдетъ, народъ до обѣдни расходится по со-

сѣднимъ избамъ, или садятся на паперть и на могильныхъ камняхъ и бугоркахъ кладбища. Тутъ ожидаютъ восхожденія солнца, чтобъ посмотреѣть, какъ оно будетъ играть на Свѣтлое Воскресеніе и солнышко играетъ; а между тѣмъ жаворопки оглашаютъ воздухъ своими пѣснями. Собранныя причѣтомъ яйца несутся въ дома, гдѣ хозяйки, за невозможностію ихъ съѣсть въ скорости, иногда продаютъ, а по большей части солятъ въ прокъ. Солятъ ихъ такимъ образомъ: такъ какъ онѣ окрашены, стало сварены въ крутую, то ихъ разрѣзываютъ на половинки, кладутъ слоями въ кадочку и пересыпаютъ каждый слой солью, потомъ накладываютъ кружокъ и на него камень для гнета. Яйца, такъ приготовленные, употребляются преимущественно изрубленными, съ квасомъ и съ лукомъ, на ужинъ или завтракъ, во время покосовъ и другихъ работъ, и самими хозяевами, а по большей части наемными работниками и работницами.

Въ обѣдню молящимися примѣтно уже одолѣваетъ дремота. У многихъ глаза смыкаются, и хоръ пѣвчихъ поетъ съ разладъ. Надъ пасхами изъ сыраго творогу и куличами, принесенными въ церковь изъ каждаго двора въ приходѣ, горитъ по грошевой свѣчкѣ. И когда священникъ прочтетъ молитву, то отъ каждой пасхи и кулича отрѣзывается кусокъ въ пользу причта. Кто жъ не желаетъ, чтобъ пасха и куличъ были рѣзаны, то платитъ за освященіе гроша два или три, глядя по состоянію.

Въ имѣніи, гдѣ живетъ помѣщикъ, всѣ крестьяне, мужики и бабы, отъ мала до велика, идутъ прямо послѣ обѣдни въ барскій домъ разгавливаться. Если случится военный постой, то и солдаты. Когда городская семья разговѣлась, на томъ же столѣ, въ залѣ ставится огромный куличъ и пасха, нарочно приготовленные для народа. Крестьяне христосуются съ бариномъ, барынею, барышнями и дѣтми въ губы, по три раза, и даютъ красныя лички, которыя отдаются по большей части ихъ же дѣтямъ или холостымъ ребятамъ и горничнымъ, и вообще тѣмъ, которые не имѣютъ своего хозяйства.

Потомъ каждому изъ разгавливающихся подносятъ по рюмкѣ вина; всѣ пьютъ брагу и, поблагодаривъ господъ, расходится по домамъ. Такъ до сихъ поръ ведется изстари во многихъ домахъ. И гдѣ минималъ цивилизація и западное просвѣщеніе еще не убилъ благословенныхъ обычаевъ предковъ, то до сего времени, подѣ

дванадцатые праздники и другіе большіе, чтимые народомъ, въ залахъ господскаго дома служатся всенощнымъ, на которыя собираются желающіе молиться со всей деревни, и дворовые, и крестьяне всѣхъ возрастовъ обоого пола. Это сближеніе господъ съ народомъ имѣетъ высокій нравственный смыслъ. Конечно на другой день неизбежно понадобится хорошо вымыть полъ, и потому въ тѣхъ домахъ, гдѣ существуютъ лакированные паркетъ и чистота половъ стала выше чистоты нравственной, тамъ этотъ обычай уже не исполняется.

Въ Страстную субботу строить качели, состоящія изъ шести бревень, поставленныхъ въ козлы и связанныхъ вверху хвостомъ. На нихъ кладется перекладина; на перекладину надѣваются кольца изъ хвороста или загнутыхъ молодыхъ дубчиковъ и къ нимъ привязываются двѣ веревки. На веревки кладется доска, аршина въ два съ половиною, и качели готовы. На нихъ качаться не будутъ, и подъ ними лѣсятъ *ирать* (*) не станутъ, пока не посѣтятъ деревню образа. Въ назначенный отъ приходскаго священника для хожденія съ образами день идутъ къ заутренѣ изъ деревни богоносы, мужики и бабы, парни и дѣвки, по большей части по обѣщанію, данному за изцѣленіе болѣзни или минованіе другаго какого горя, для исполненія святаго дѣла, пошенія образовъ. Вся деревня готовится къ встрѣчѣ и, когда стоящіе у околицы ребяташки закричатъ: «идутъ! идутъ!» вся деревня приходитъ въ движеніе: и старый, и малый, и бѣжитъ, и едва плетется, опираясь на палку, все тароится во срѣщеніе свитыхъ почитателей. Далеко еще слышавъ лѣніе прпчта, сердца ожидающихъ наполняются восторженнымъ благоговѣніемъ, и когда блеснутъ лучами солнца вѣнцы на свитыхъ иконахъ и животворящій крестъ въ рукѣ священника, начинаютъ молиться: иные крестятся, призывая про себя имя Господне, другіе, повергаясь ницъ, творятъ земные поклоны.

Въ вѣнцѣ, гдѣ есть господскій домъ, образа прямо идутъ на барскій дворъ, гдѣ среди двора изготовляется накрытый скатертью столъ. Подъ столомъ колокъ сѣна, на столѣ мѣра съ овсомъ, въ которомъ насыпано нѣсколько сырыхъ яицъ и воткнута рогулька съ прилѣпленной къ ней восковой свѣчей. На столъ иногда ста-

(*) Поютъ въ церквахъ, поютъ жалебы, а лѣспи играютъ.

вятся и другія хозяйственные зерна: пшеница, горохъ, просо, ячмень, гречиха въ четверикахъ, гарницахъ, полумѣрахъ и проч. Всѣ эти образцы хлѣбны, по окончаніи молебна, высыпаются по закромамъ въ приготовленные для сѣва сѣмена. Когда образа придуть къ столу, богоносы становятся рядомъ, предъ образами зажигаютъ свѣчи. Священникъ начинаетъ молебенъ.

Послѣ молебна образа идутъ или въ домъ, или по дворамъ и, обойдя деревню, возвращаются въ домъ, гдѣ иногда, по отдаленности отъ села, образа ночуютъ. Тутъ благочестивыя старушки остаются на стражѣ при свитыхъ иконахъ, перемѣняя догорающія свѣчи и молясь всю ночь, до восхожденія солнца. Въ каждой избѣ, когда обходятъ образа деревню, служитъ молебенъ, а послѣ онаго образа устанавливаются въ переднемъ углу, и священникъ, дьячен и богоносы непрерывно должны присѣсть къ накрытому столу, отвѣдать хозяйской хлѣба-соли, да браги, бабьей работы. Посидѣвши за столомъ и поблагодаривъ хозяина и хозяйку за угощеніе, встаютъ, поднимаютъ образа и съ иѣніемъ: «Христосъ Воскресе» выходятъ изъ избы на улицу, наутраченные благословеніемъ и благодарностію, и получивъ за молебенъ отъ хозяина конфекъ 15 серебромъ деньгами, нѣсколько пироговъ и круговъ хлѣба. Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай а потому всякій приходъ имѣетъ положеніе, утвержденное обычаемъ, сколько давать пироговъ и сколько круговъ хлѣба. Бабы жертвуютъ на образа холстъ, по своимъ средствамъ: богата или усердна та, которая пожертвуетъ кусокъ въ 20 аршинъ, а по большей части жертвуютъ куски отъ 1-го до 10 аршинъ. Холстъ этотъ староста церковный продаетъ, и деньги обращаются въ церковный доходъ.

Когда всѣ двory обойдены, образа идутъ къ часовнѣ. У часовни опять для проводовъ приготовленъ столикъ съ хлѣбами и пирогами, стоитъ полштофикъ съ водкой и кувшинъ браги. Служится молебенъ; при чтеніи Евангелія, подъ епитрахиль преклоняетъ голову староста, а по окончаніи молебна, священникъ благословляетъ одного или двухъ, назначенныхъ для начала пахоты крестьянъ, при чемъ даетъ имъ по кругу хлѣба. По окончаніи молебна, староста угощаетъ дьячковъ и богоносовъ прощальной рюмкой, и образа уходятъ съ иѣніемъ святыхъ каноновъ, провожаемые до околицы жителями.

Преданіе говоритъ, что въ старинное время у часовни, по окончаніи молебна, бабы, по снятіи священникомъ облаченія, катили пона по землѣ, чтобъ лень родился. Говорятъ, что при катаніи пона приговаривали: *«Каковъ попокъ, таковъ и лепокъ»*. По отбытіи образовъ, начинаются народныя забавы: качели, пѣсни, хореводы. Когда образа въ деревнѣ, изъ другихъ деревень приходятъ стекаются въ ту деревню гости и родственники. Всѣмъ пріемъ, всѣмъ гостепріимство, и знакомому, и незнакомому, и родному, и чужому, но съ расчетомъ: дорогому гостю вина и мягкой свинки да бражки; для гостя-посѣтителя—«сынокъ», т. е. брага второго сорта, кушай сколько душѣ угодно, да пирожокъ безъ начинки, да солонинка, невзначай недовареная, подъ часъ не укусишь: всяко бываетъ.

Такъ проходитъ Святая недѣля, и наступаетъ Красная горка. Красная горка есть пора свадебъ чуть ли не по всей Россіи. Но свадьбы оставимъ до другаго времени. Воскресенье, (*) въ недѣлю женъ Мурносоицъ, называется бабымъ праздникомъ. Въ этотъ день нѣкоторыя изъ бабъ служатъ молебны, другія дѣлаютъ складчину и устраиваютъ пирушку. Ходятъ другъ къ другу въ гости и вездѣ находятъ радушный пріемъ и угощеніе. У бабъ существуетъ поговорка: «мужики за нахоту, а бабы за страпню». Въ пиныхъ господскихъ домахъ дворовыя женщины приходятъ къ барынѣ въ этотъ день, поздравляютъ съ праздникомъ и приносятъ въ даръ яйца своихъ куръ, или стаканъ сливокъ, или другую какую—нибудь бездѣлицу.

Пока до просушки крестьяне занимаются городьбою и поправками построекъ. Зима съ своими бурями и сугробами надѣлала большихъ безпорядковъ. Гдѣ разнесло солому съ крышъ, гдѣ повалило плетни, а гдѣ бабы ихъ поразобрали во время зимней стужи, да пожгли въ печѣ. Тамъ сѣгомъ пелену обдавило, а иное что отъ ветхости ушло, зимой вѣдь чинить нельзя или трудно. Гдѣ подставить мужикъ, гдѣ заново исправить, гдѣ покроить остатками соломы, тамъ плетень заплететь; а бабы между тѣмъ просушиваютъ «солнышкомъ» оставшуюся рожь, рассыпаютъ ее на веретыхъ противъ воротъ, на улицѣ или въ усадьбѣ.

(*) Въ это Воскресеніе въ пиныхъ мѣстахъ Рязанской губерніи послѣ обѣдни бываетъ молебенъ около церкви, выносятъ образа и весь народъ въ этотъ день сходится, если не къ обѣдѣ, то къ молебну.

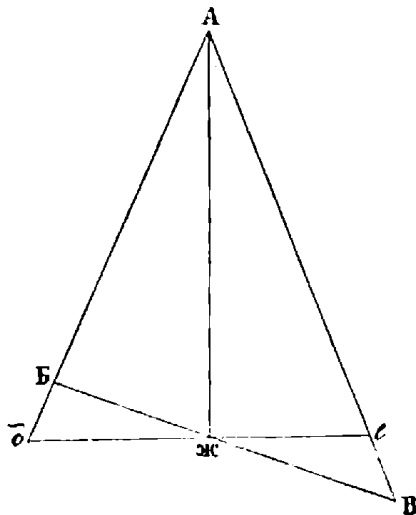
Но вотъ пашла тучка, въ воздухѣ не колышетъ; вода на прудѣ не шелохнется. Паръ на дворѣ, какъ въ банѣ, такъ и обдаетъ потомъ. Птицы летаютъ низко... Все тихо; только пѣтухъ кричитъ по своему обычаю по все горло, да курица что-то прокудахчетъ въ отвѣтъ. Наконецъ идати слышны раскаты грома и всѣ, кто слышитъ, крестится. «Ну малый, пора сѣвъ зачинать», говоритъ мужикъ. «Тепла Богъ даетъ», говоритъ баба. И мужики, и бабы, и дѣвки, и ребята, въ особенности дѣвки, всѣ бѣгутъ купаться. Кто боится купаться, умываются чрезъ обручальное кольцо для здоровья, или обливаются изъ подойника, положивъ въ него лйце: и самой на здоровье, и корова чтобъ давала больше молока да чтобъ и куры неслись. «Пора пахать, повторяетъ мужикъ, ужъ и грому Богъ далъ, и лѣсъ одѣвается». Наступилъ теплый вечеръ: въ лѣсу щелкнулъ соловей первую пѣсню. Слава Богу, что соловей поетъ, когда уже лѣсъ почти одѣлся. Не бытъ урожаю, ежели соловей поетъ въ голомъ лѣсу.

Русское сельское хозяйство дѣлитъ изетари пахатную землю на три поля, что чрезвычайно соответствуетъ простору пашныхъ земель и малочисленности рабочихъ рукъ, сравнительно съ населенностію другихъ Европейскихъ государствъ. Въ 1-мъ полѣ, озимомъ, сѣется рожь и озимая пшеница; во 2-мъ, то есть, въ яровомъ, овесъ, ячмень, горохъ, гречиха, яровая пшеница, ленъ, пожалуй и картофель, ежели на огородѣ нѣтъ мѣста, чечевица, просо и проч., однимъ словомъ, всѣ хлѣба, которые посѣваются въ одно лѣто. Третье поле остается подъ паромъ, т. е. оно, послѣ снятія двухъ хлѣбовъ, назначено отдыхать, а между тѣмъ служить для пастбища скота, когда заказываютъ луга (*).

Въ имѣніяхъ государственныхъ крестьянъ и въ имѣніяхъ государственнхъ оброчныхъ вся пашенная земля дѣлится большею частью по дунамъ, по ровному количеству. Всѣ урочища, по обычаю древнему Славянскому, и ближнія, и дальнія, на большомъ ли пространствѣ равнины, на тѣсномъ ли глинистомъ косогорѣ, все рѣжется между всѣми. По этому, часто видимъ поле, изрѣзанное въ полоски шириною въ 1½ и 2 сажени, иногда уже. Дѣлка эта устроивается слѣдующимъ порядкомъ: сперва разобьютъ землю на сороковыя или на тридцатыя десятины. Въ этомъ дѣлѣ не

(*) О заказываніи луговъ будетъ сказано далѣе.

участвует ни астролябіи, ни цѣпь, а единственное орудіе—жердь, длиною сажени въ двѣ или болѣе, гдѣ какъ заведено, но только опредѣленной мѣры. Такою жердью (положимъ въ двѣ сажени) отмѣриваютъ въ длину 25 жердей, въ ширину 24 жерди, и вотъ десятинна въ натурѣ готова. Для опредѣленія перпендикулярныхъ линій берутъ палочку, а не случится, то прямую былинку или соломинку, положить по направленію линіи, къ которой нужно поставить перпендикуляръ, а поперекъ этой палочки положить на крестъ другую, хоть ва глазокъ, но какъ можно правильнѣе и, по направленію этой палочки, опредѣляютъ линію колыми или вѣхами. Но не вездѣ можно рѣзать на четырехугольники. Иногда мѣстность представляетъ участокъ земли въ видѣ неправильнаго треугольника, который нужно измѣрить; тогда приступаютъ къ дѣйствию другаго рода. Вотъ какъ это дѣлается. Возьмемъ для примѣра треугольникъ А, Б, В. Сперва отъ вершины угла А проводятъ линію къ линіи БВ, наблюдая, чтобъ она прошла совершенно на равномъ разстояніи между линіями АБ, и АВ; и въ томъ мѣстѣ, гдѣ она встрѣтится съ линіею БВ, въ точкѣ ж ставятъ къ линіи Аж перпендикуляръ, который однимъ концемъ пересѣкаетъ линію АВ, въ точкѣ С, а другимъ продол-

женную линію АВ въ точкѣ d. Когда это сдѣлаютъ, тогда вымѣриваютъ саженими длину линій Аж и жс; помножаютъ одну на другую и произведеніе этого множенія будетъ искомое число